

Экспедиция К. Ф. Калайдовича и начало изучения владими́ро-сузда́льских древностей

В начале XIX в., когда для изучения русской истории обратились к собиранию древностей, в этом нелегком деле появились свои знатоки и энтузиасты. Благодаря их самоотверженной деятельности многие памятники древнерусской культуры были спасены от гибели и дошли до наших дней. Так, самым крупным центром собирания древнерусских рукописей был кружок графа Николая Петровича Румянцева. Экспедиции членов румянцевского кружка открыли научному миру древнейшие русские рукописи, уникальные источники по отечественной истории¹. Историк русской археологии В. П. Козлов даже назвал эту плеяду ученых «колумбами российских древностей»². В кружок Румянцева входил и молодой историк Константин Федорович Калайдович.

К. Ф. Калайдович был сыном врача Федора Петровича Калайдовича³. В 1811 г. он окончил Московский университет, выступил в печати с несколькими статьями об изучении русских древностей и поступил служить в Московский главный архив Министерства иностранных дел – главный центр исторических изысканий в Москве того времени. Но прослужил там недолго, поскольку началась Отечественная война. Патриотически настроенный Константин Калайдович вступил в ополчение и отправился воевать. Материальное положение его было столь незавидным, что даже ополченский мундир ему был «построен» на благотворительные сред-

ства. За время хозяйничанья французской армии в Москве дом Калайдовичей сгорел, и вернувшийся с войны Константин Федорович в первое время не имел ни средств к существованию, ни пристанища. К 1813 г. относится его знакомство с Н. П. Румянцевым, которому молодой и энергичный историк пришелся по душе. Калайдович получает первые научные поручения от Румянцева, продолжает свою работу в архиве Министерства иностранных дел, вступает в Общество истории и древностей российских при Московском университете. В начале 1814 г. Калайдович уговаривает своего приятеля Александра Абрамовича Волкова передать в Московский архив Министерства иностранных дел небольшую коллекцию древних рукописей, доставшуюся тому от отца, известного литератора и масона Авраама Сергеевича Волкова⁴. Принесенные в дар архиву рукописи воспринимались в то время как благотворительная помощь русского патриота разоренной древней столице. Как известно, в пожаре Москвы 1812 г. погибло немало древних рукописей. Волков, конечно, был не единственным дарителем, но одним из первых в разоренной послевоенной Москве. Его почин – во многом заслуга Калайдовича, уговорившего приятеля расстаться с рукописями. Обыкновение дарить Московскому архиву древние рукописи из личных собраний в последующие годы закрепилось и обогатило русскую науку десятками ценных источников.

В разносторонней деятельности Калайдовича, который кроме занятий историей писал и публиковал стихи, было еще одно увлечение. Его брат, Федор Федорович Калайдович проживал и слу-

¹ См. об этом: Козлов В. П. Русская археология конца XVIII – первой четверти XIX в. М., 1999.

² Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.

³ Наиболее обстоятельная биография К. Ф. Калайдовича написана еще в XIX в.: Бессонов П. А. К. Ф. Калайдович. Биографический очерк // Чтения Общества истории и древностей российских. 1862. Кн. 3. Отд. 1.

⁴ См. об этом: Сиренов А. В. К истории изучения Волковского списка Степенной книги // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. научных статей и сообщений. СПб., 2001. С. 196–205.

жил во Владимире. Близкие отношения, которые связывали братьев, а также неподдельный интерес к владими́ро-суздальским древностям влекли Константина Федоровича во Владимир. Прежде чем приехать во Владимир, что в то время для стесненного в средствах молодого чиновника было непросто, Константин расспрашивал брата о владимирских и суздальских древностях, на что тот обстоятельно отвечал в письмах: «Вот тебе, по требованию твоему, шпашак и копыя, да еще в прибавок биография почившего Василия Сергеевича Подшивалова, писанная его собственною рукою в болезни незадолго до смерти, к сожалению, она не кончена» (письмо от 24 октября 1813 г.⁵); «О Суздальской летописи не совсем отчаиваюсь, ибо Д. И. нам директор обещается доставить» (письмо от 9 января 1814 г.⁶); «О Суздальской летописи ничего хорошего не могу тебе сказать, ибо от обоих в Суздале находящихся учителей не мог ничего добиться толкового» (письмо от 14 ноября 1814 г.⁷). Упоминаемый в письме от 24 октября 1813 г. шпашак, т.е. шлем особой конструкции, хранился во владимирском Успенском соборе при древней гробнице сына Андрея Боголюбского князя Изяслава Андреевича. Сделанный Ф.Ф.Калайдовичем для брата рисунок этого шлема, довольно неискусный и даже небрежный, был опубликован в приложении к статье «Краткое известие о владимирских древностях», изданной под именем Ф.Ф.Калайдовича в 1815 г.⁸ По-видимому, перед нами те сведения о владимирских древностях, которые Ф.Ф.Калайдович собрал для брата. Крайне щепетильный во всем, что касалось научных изысканий, К.Ф.Калайдович не мог воспользоваться сведениями, собранными для него другим лицом, и решил сначала опубликовать их. Суздальской летописью Ф.Ф.Калайдович называет сочинение XVIII в. об истории Суздаля, опубликованное в 1791 г.⁹

Наконец, в декабре 1814 г. К.Ф.Калайдович приезжает во Владимир. Те шестнадцать дней, которые

⁵ Калайдович Ф.Ф. Письма К.Ф.Калайдовичу // РНБ. Ф.328 (К.Ф.Калайдович). Д.378. Л.7. О Василии Сергеевиче Подшивалове, литераторе и переводчике, который 13 декабря 1810 г. был назначен председателем Владимирской гражданской палаты и умер 31 июля 1813 г., см.: Модзалевский Б.Л. Подшивалов Василий Сергеевич // Русский биографический словарь. Т. 14. Плавильщиков-Примо. СПб., 1905. С.216–220.

⁶ Калайдович Ф.Ф. Письма К.Ф. Калайдовичу // РНБ. Ф.328 (К.Ф. Калайдович) 378. Л.8 об.

⁷ Там же. Л.14.

⁸ Краткое известие о владимирских древностях, сообщенное Ф.Ф.Калайдовичем // Записки и труды Общества истории и древностей российских. М., 1815. Ч.1. С.159–163.

⁹ Летопись о построении града Суздаля и в нем монастырей и о бытии и о преставлении суздальских чудотворцев и о родословии российских князей вкратце // Древняя российская вивлиофика. М., 1791. Ч.19. С.358–367.

он пробыл во Владимирской губернии, были наполнены самыми разными событиями. О них мы знаем из имеющихся в нашем распоряжении источников: путевого дневника К.Ф.Калайдовича¹⁰, рапорта ковровского городничего Сыроватского владимирскому генерал-губернатору А.Н.Супоневу¹¹ и различных упоминаний в личной переписке К.Ф.Калайдовича, а также отдельных материалов его архива¹². Итак, проследуем с К.Ф.Калайдовичем в его поездке по Владимирской губернии. Подчеркнем, что перед нами первая научная экспедиция во Владимир и Суздаль, изучение богатого наследия которых в те времена еще не начиналось. В первую очередь по этой причине результаты поездки К.Ф.Калайдовича имеют непреходящую ценность.

25 декабря. Выезд из Москвы. Калайдович имел открытый лист на свое имя за подписью председателя Общества истории и древностей российских Бекетова. Этот документ сообщал в общем-то частной поездке Калайдовича статус археографической экспедиции. Однако, как видно из дальнейших событий, открытый лист не всегда производил нужное впечатление, тем более, что он был написан рукой самого Калайдовича.

27 декабря 1814 г. Приезд во Владимир, а оттуда в тот же день – в Суздаль.

28 декабря 1814 г. Исследование церковных библиотек и архивов Суздаля. Археограф познакомился с описью книг Рождественского собора, древностями монастырей Спасо-Евфимьевского, Покровского, Васильевского и Ризоположенского, в чем ему способствовал суздальский благочинный. Из соборной библиотеки была взята рукопись сочинения суздальского историка XVIII в. Анализа Федорова «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале». В Спасо-Евфимьевском монастыре внимание исследователя привлекли рукописи и печатные книги. Архимандрит этой древней обители Мельхиседек разрешил Калайдовичу взять во временное пользование пражское издание Библии Франциска Скорины 1518 г., Апостол киевского издания 1630 г., «Свиток печатанный», а также рукописи: список Кормчей книги (это рукопись ВСМЗ 5636/399 – Кормчая редакции Вассиа-

¹⁰ РНБ. Ф.328 (К.Ф.Калайдович). Д.18. Л.1–2 об.

¹¹ Этот крайне важный для нашей статьи документ был обнаружен и опубликован Г.Д.Овчинниковым (Овчинников Г.Д. Ковровский эпизод в биографии К.Ф.Калайдовича // Рождественские чтения. Ковров, 1994. Вып.1. С.27–33; Его же. Владимирский эпизод из жизни К.Ф.Калайдовича // Отечественные архивы. 2000. №3. С.58–60).

¹² Некоторые результаты поездки Калайдовича во Владимир и Суздаль в 1814–1815 гг., а также повествующие о ней источники были учтены В.П.Козловым (Козлов В.П. К.Ф.Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С.50, 202, 203, 214, 215), но сама поездка как научная экспедиция в литературе не рассматривалась.

на Патрикеева), «О поставлении митрополитов» и сборник житий. 28 декабря Калайдович взял еще несколько книг из монастырской библиотеки и уже на следующий день некоторые из них вернул, о чем свидетельствует письмо к нему архим. Мельхиседека: «Ваше благородие милостивый государь! Две книги Требника Петра Могилы я получил обратно и из реэстра, Вами данного, вычернил»¹³. Из этого письма следует также, что Калайдович в монастыре интересовался также иконами и спрашивал о знатоках местных древностей. Архим. Мельхиседек на это сообщил: «О старце Григорие я понимаю [слово нрзб.] слышно, что находится в таком же положении, как и прежде, занимаюсь хмельными напитками. Икон, обозначенных Вами, ни одной у меня нет»¹⁴. При посещении монастыря Калайдович обратил внимание на колокол – вклад Дмитрия Пожарского, услышал рассказ о родовой усыпальнице Пожарских, но следов ее не обнаружил, о чем записал в дневнике: «Были также и гробы князей Пожарских и, может, знаменитого Димитрия, но невежество лет за 20 назад употребило их на церковные потребности и изгладило подписи». Выписал статью о поминании рода Пожарских из монастырского синодика. Заинтересовали Калайдовича и арестанты монастырской тюрьмы. Спасо-Евфимьев монастырь был известен своими казематами, где содержались лица, совершившие преступление против церкви. В 1814 г. там пребывал психически больной сын министра народного просвещения А. К. Разумовского. Калайдович, служивший в этом ведомстве, пожелал взглянуть на заключенного и описал свои впечатления: «В сем монастыре содержатся преступники. Одного я видел. Это сын нашего министра. Не понимаю, зачем его держат. Он не буян и в полном уме. Впрочем, малой самой прелестной и угрюмой, может быть, от долгого заключения». Написав эти строки, Калайдович не мог знать, что через каких-нибудь два месяца сам окажется в подобном положении.

В Ризоположенском монастыре обнаружил только рукописное Житие Евфросинии Суздальской. В Покровском монастыре его внимание привлекла надпись на стене собора о его росписи и древние захоронения в соборном подклете. Из археологических находок – «один старинный сверток, не внесенный в реэстр». В Васильевском монастыре удалось найти только рукописную службу в честь

Полтавской победы. Вечер 28 декабря, надо думать, был посвящен более подробному знакомству с рукописями и печатными книгами, взятыми в Спасо-Евфимьевском монастыре.

29 декабря 1814 г. Возможно, в этот день, а не 28 декабря, состоялось посещение Покровского и Васильевского монастырей. Наверняка вновь посетил Спасо-Евфимьев монастырь. В это посещение получил в подарок от архимандрита две рукописи: список Посыльной грамоты новгородского архиепископа Леонида митрополиту Кириллу 1574 г. и рукописный сборник со статьями об убиении Андрея Боголюбского, Батые, кончине Александра Невского, Меркурии Смоленском и др. В тот же день осмотрел архивы некоторых приходских храмов. Находка его ждала только в Успенской церкви. В ней обратил внимание на византийскую икону древнего письма. Но самым интересным оказалась находка, сделанная в алтаре главного храма в 1811 г., т. е. за три года до описываемых событий. Из тайника в стене тогда извлекли ящик с царскими жалованными грамотами и другими документами числом около двадцати, среди которых была летопись. Самая ранняя из грамот датировалась правлением Ивана Грозного, остальные относились ко второй половине XVII в. Калайдович взял ящик с документами под расписку. Видимо, вскоре (может быть, на следующий день) он вернул их обратно. Во всяком случае, они среди его вещей не числятся. Характерно, что, завершая обозрение суздальских древностей, он дал поручение благочинному собрать в приходских церквях описи имущества и представить их ему в следующий приезд.

30 декабря 1814 г. Утром был завершён осмотр суздальских древностей, а затем Калайдович выехал в Ковров, другой уездный город Владимирской губернии, находящийся от Суздаля в 70-ти километрах. У путешественника была выданная владимирским генерал-губернатором подорожная от Владимира до Суздаля, по которой на почтовой станции ему должны были предоставить пару курьерских лошадей. Поэтому можно думать, что дорога до Коврова заняла немного времени. Поскольку в Коврове Калайдович прибыл около четырех часов вечера, из Суздаля он должен был выехать в полдень. Путь лежал через Кидекшу – древнее село с церковью Бориса и Глеба, построенной в XII в. Видимо, в Кидекше Калайдович не остановился, торопясь добраться засветло до Коврова. По приезде в город явился к городничему с просьбой о содействии в знакомстве с древностями, но получил ответ, что в Коврове таковых не имеется. Тогда путешественник отправился на почтовую станцию заказать лошадей (по-видимому, до Суздаля). Ему отказали и в этом. Кроме того, почтмейстер усомнился в подлинности подорожной: показался странным исходящий номер – трехзначный, хотя в конце года приходящие от

¹³ Мельхиседек, архим Спасо-Евфимиева м-ря. Письма К. Ф. Калайдовичу // РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 404. Л. 3. Другие взятые из Спасо-Евфимьева монастыря рукописи Калайдович вернул во второе посещение Суздаля в начале января 1815 г., о чем см. ниже. Издания Ф. Скорины и сочинение Анания Федорова историк увез в Москву и только в марте 1818 г. после неоднократных настоятельных просьб архим. Мельхиседека вернул их в монастырскую библиотеку (Там же. Л. 1–2, 5–5 об., 7, 8).

¹⁴ Там же. Л. 3.

губернатора официальные бумаги имели четырехзначный номер. Не получив лошадей, Калайдович отправился ужинать в дом местного священника. Здесь произошел конфликт, о котором мы знаем со слов ковровского городничего. Тот старался представить Калайдовича скандальным, склонным к буйству и пьянству молодым офицером, каковые наверняка встречались на российских дорогах в то послевоенное время. Тем более что Калайдович по недостатку средств носил свой старый ополченский мундир. Словом, Калайдович был арестован.

31 декабря 1814 г. Допрос Калайдовича ковровским городничим и внимательное изучение последним бывших при Калайдовиче документов, в результате чего выяснилось, что подорожная из Владимира в Суздаль поддельная. Новый 1815 год Константин Федорович Калайдович встретил в заключении.

1 января 1815 г. Калайдовича доставили, видимо, под охраной, из Коврова во Владимир к губернатору, который выдал ему билет на свободный проезд в Москву с обязательной явкой там к своему начальству для дачи объяснений. Однако вместо отъезда в Москву Калайдович продолжил знакомство с владими́ро-суздальскими древностями¹⁵.

2–6 января 1815 г. За пять дней пребывания во Владимире Калайдович познакомился с архимандритом Боголюбовского монастыря Августином¹⁶, протоиереем Дмитриевского собора, побывал в Успенском соборе. К этому времени, по всей видимости, относится его «Записка о погребенных в губернском городе Владимире князьях, княгинях и княжнах», сохранившаяся в архиве историка¹⁷. В ней автор подробно и обстоятельно описывает древние княжеские гробницы в Успенском соборе и Княгининном монастыре. Несомненную ценность представляют указания на особенности надгробных надписей – здесь сказался интерес Калайдовича к источниковедению, одна из наиболее ярких черт его исследовательского почерка: «Надписи на стенах и гробах, равно как и самые деревянные зеленою краскою окрашенные гробы сделаны во недавнем времени последнего возобновления собора суммою, отпущенною по высочайшему повелению путешествовавшей чрез Владимир в Казань Великой Екатерины. В девичьем Абрамиевом монастыре

¹⁵ Об этом мы узнаем из его путевых заметок: К[алайдови]ч К. Отрывок из путевых заметок // Сын Отечества: исторический, политический и литературный журнал. 1815. Ч. 21. С. 171–178.

¹⁶ В своих путевых заметках он неоднократно упоминает боголюбовского архимандрита (Там же. С. 171, 172, 177), но не называет его по имени. Из справочника П. М. Строева узнаем, что в 1808–1818 гг. Боголюбовским монастырем управлял архим. Августин (Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / сост. П. Строев. СПб., 1877. Стб. 674).

¹⁷ РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 70. Л. 1–2.

в пределе Рождества Христова на южной стороне с правой руки иконостаса на деревянной доске длиною в 1½ арш[ина], а шириною в 3/4 аршина находится следующая надпись... И здесь все надписи (на коих не означено ни года, ни месяца, ни числа) также, как видно, сделаны в недавнем времени¹⁸. От дмитриевского протопопа Калайдович получил во временное пользование грамоту из архива Дмитриевского собора¹⁹, в Успенском соборе приобрел одну из старинных железных стрел. Были сделаны и другие приобретения: какой-то камень (возможно, фрагмент белокаменного рельефа), две иконы на металле и портрет Петра I²⁰.

6 января. Собираясь в Суздаль, Калайдович подготовил документ следующего содержания: «Росписку о получении в суздальском Рождественском соборе книги житий суздальских чудотворцев получил и другую о взятых и возвращенных мною книгах в Спасо-Ефимиев суздальский монастырь числом пяти также получил. Соборная у меня осталась Летопись суждальская, в лист, и монастырская: пять книг Моисеевых, в лист. Владимир, 6 января 1815 года. Действительный член Общества истории и древностей российских К. Калайдович»²¹. Он действительно увез с собой в Москву одну рукопись и пять печатных книг издания Франциска Скорины. В восемь часов вечера Калайдович отправился в Суздаль, но на этот раз решил сделать крюк и поехать через Боголюбово. До Боголюбова он доехал вместе с боголюбовским архимандритом, который показал ему древний монастырский собор с лестничной башней XII в. и церковь Покрова на Нерли. Внимание исследователя привлекли белокаменные кресты с полустертыми надписями: один у Покровской церкви, а другой по дороге из Боголюбова к селу Суходол. Ночевал Калайдович в Суходоле – селе на суздальской дороге. Это значит, что из Боголюбова он направился в Суздаль.

¹⁸ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁹ Ныне: Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Собрание жалованных грамот. В–4125 (подробнее см.: Антонов А. В. Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 216). Спустя полтора года, 10 августа 1816 г., брат ему писал: «Спешу извещением тебя, что денежных и книжных ни во Владимире, ни в Суждале на тебя нет претензий кроме грамоты, взятой тобою у нашего Дмитров[ского] соб[орного] протопопа» (Калайдович Ф. Ф. Письма К. Ф. Калайдовичу // РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 378. Л. 18).

²⁰ Об этом узнаем из того же письма брата: «Книги твои и бумаги я давно уже переслал к батюшке; железное же копьё, один камень, два образа желез[ные] и [слово нрзб.] сукном портрет Петра I-го находятся у меня, но к пересылке их на почте не принимают, а потому я и буду стараться при первом удобном случае с ездоками отправить в Москву» (Там же. Л. 18 об.).

²¹ Мельхиседек, архим. Спасо-Евфимиева м-ря. Письма к К. Ф. Калайдовичу // РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 404. Л. 8.

7 января 1815 г. Прибыл в Суздаль. Посетил священника церкви Косьмы и Дамиана Никифора Ананьина – судя по отчеству, сына суздальского историка XVIII в. Анания Федорова. Получил от него список Исторического собрания о богоспасаемом граде Суждале, о чем выдал следующую расписку: «1815 года января 7 дня нижеподписавшийся взял Суждальскую летопись у священника Козьмы и Дамиана Никифора Ананьина с тем, чтобы оную обратно доставить. Подпоручик и действительный член Исторического общества К. Калайдович»²². По всей видимости, 7 или 8 января Калайдович посетил Троицкий монастырь и Вознесенскую церковь (бывший Александровский монастырь). К этому времени путевых заметок он уже не вел, и об обследовании этих обителей свидетельствуют документы, отложившиеся в его архиве: царские жалованные грамоты Александровскому монастырю за 1576–1722 гг. в копиях XVIII в. (РНБ. Ф. 328. № 153) и Троицкому монастырю за 1582–1734 гг. (РНБ. Ф. 328. № 535). Вывез Калайдович и подлинник благословенной грамоты суздальского архиепископа Стефана игуменье Троицкого монастыря на постройку монастырской церкви в 1675 г. (РНБ. Ф. 328. № 537).

8 января 1815 г. Арестован в Суздале и препровожден во Владимир к губернатору.

9 января 1815 г. Выслан под конвоем в Москву к московскому обер-полицмейстеру. В сопроводительном письме владимирский генерал-губернатор

охарактеризовал Калайдовича как «человека совершенно беспокойного, нетрезвого и дерзкого»²³.

11 января 1815 г. Доставлен в Москву.

С этого времени начинаются злоключения Калайдовича. Чтобы избавить сына от судебного преследования за подделку документов, Ф. П. Калайдович объявляет его душевнобольным и определяет в лечебницу для умалишенных. После полугодового пребывания в этом скорбном месте К. Ф. Калайдович получает свободу, но не полную. Он должен еще год прожить в монастыре «на покаянии». Труден был обратный путь к наукам, прерванным занятиям в архиве и Обществе истории, к участию в экспедициях румянцевского кружка. Во Владимир Калайдович больше не вернулся и владимирскими древностями больше не занимался. Да иного трудно было и ожидать от столь восприимчивого, легко ранимого человека, каким был Константин Федорович Калайдович. О поездке во Владимир ему наверняка было тяжело вспоминать.

Что приобрела бы наука от столь раннего описания и изучения памятников Владимира и Суздаля? Архивы и ризницы были еще не расхищены, древние храмы не искажены позднейшими реставрациями. Мы гораздо больше знали бы о прошлом Владимира и Суздаля, чем знаем сейчас. Но судьба распорядилась иначе: юношеское легкомыслие Калайдовича, въедливость ковровского почтмейстера – и едва начавшееся исследование оборвано.

²² РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович) 22. Л. 37.

²³ Цит. по: Овчинников Г. Д. Владимирский эпизод из жизни К. Ф. Калайдовича. С. 59.

Summary

A. V. Sirenov

The Expedition Led by K. F. Kalaidovich and the Initial Stages in the Study of Vladimir-Suzdal Antiquities

This article is devoted to the journey undertaken by the well-known historian and archaeographer, K. F. Kalaidovich, to Vladimir and Suzdal in order to study antiquities. K. F. Kalaidovich undertook his journey at the end of 1814 and beginning of 1815. He examined church archives and libraries in the cathedrals and monasteries of Vladimir and Suzdal and was the first scholar to describe the Church of the Intercession on the River Nerl. Ka-

laidovich had also planned to include Kovrov in his itinerary, but he was arrested there, because he had been travelling with a forged order for fresh post horses. Yet this did not stop the scholar going about his work and when Kalaidovich had been released, he continued his research, which ended up with his administrative deportation back to Moscow. That was how his first expedition aimed at the study of Vladimir-Suzdal antiquities ended.